

СОДЕРЖАНИЕ

.....

Предисловие..... 6

Глава 1

Специальная база исследования

1.1. Доколониальное общество тарасков
в источниках и памятниках
истории и культуры..... 10

1.2. История исследования общества
и культуры тарасков..... 38

Примечания к главе 1 70

Глава 2

Историческое прошлое Западной Мексики дотарасканского периода по археологическим данным

2.1. Древняя Западная Мексика:
основные этапы истории и культуры
(VII тыс. до н.э. – XV в.) 86

2.2. Мичоакан: археология тарасков
и их предшественников 186

Примечания к главе 2 213

Глава 3

История тарасканского общества

3.1. Истоки этногенеза (тарасканская
этногония): спор науки и древней традиции 221

3.2. История народов и культур
Мичоакана в дотарасканский
и тарасканский периоды 238

3.3. Правление Сикуиранчи (ок. 1340–1360)..... 249

3.4. Правление наследников Сикуиранчи..... 250

3.5. Тариакури (ок. 1440–1460):
«золотой век» истории тарасков 256

3.6. Эпоха «трёх сеньорий» (ок. 1460–1480)..... 264

3.7. Правление Тцинтциспандакаре
(ок. 1480–1500) 267

3.8. Правление Суангуа (ок. 1500 – ок. 1519/20) 273

3.9. Правление Тангахоана II (ок. 1520–1530): гибель древнего общества	285
<i>Примечания к главе 3</i>	294

Глава 4

Хозяйство, материальная культура и система собственности (экономические основы доколониального общества тарасков)

4.1. Общая этногеографическая и этнодемографическая характеристика тарасканского общества	299
4.2. Этническая экология и природные условия	305
4.3. Этнодемографическая характеристика	309
4.4. Собираательство, охота, рыболовство	319
4.5. Сельское хозяйство и технологии земледелия	325
4.6. Ремесло и добывающее производство	333
4.7. Средства коммуникации и проблема колеса	397
4.8. Торговля и обмен	419
4.9. Повинности	425
4.10. Земельные отношения	430
<i>Примечания к главе 4</i>	435

Глава 5

Социальная структура тарасканского общества

5.1. Общая характеристика тарасканского общества: структура общественных групп	436
5.2. Общинники	444
5.3. Ремесленники	446
5.4. Торговцы	447
5.5. Арендаторы	448
5.6. Рабы	449
5.7. Знать	452
5.8. Жречество	454

Глава 6

Структура общественного и территориального управления

- 6.1. На пути от традиционного общества
к раннему государству: основные
принципы организации власти..... 458
- 6.2. Кацонси – верховный правитель тарасков 466
- 6.3. Кацонси: система наследования
и передачи власти 474
- 6.4. Двор кацонси – высший уровень власти
и управления..... 478
- 6.5. Территориальная структура и управление 485
- 6.6. Военная организация 493
- 6.7. Соционорматика: обычай, право,
правоотношения 497
- 6.8. Семейно-брачные отношения 501
- 6.9. Судопроизводство и система наказаний 507

Глава 7

Духовная культура и интеллектуальные знания

- 7.1. Общая характеристика религии тарасков 515
- 7.2. Пантеон..... 519
- 7.3. Культовая практика и религиозно-
праздничный календарь..... 545
- 7.4. Интеллектуальная культура..... 576
- Примечания к главе 7*..... 583

Послесловие 586

Список используемой литературы..... 589

Список сокращений..... 601

Предметный указатель 602

Предисловие

.....

«Среди священных рек и гор» – так называлась одна из многих археологических выставок в Мексике, посвящённых шахтным погребениям её древнего Запада. Продемонстрированные на этой выставке артефакты обнаружены в погребениях в виде заупокойных даров. Они представляют собой замечательные образцы полихромной и фигурной керамики, нефритовые ожерелья, специально обработанные морские раковины. Но эти артефакты – только малая часть того, что с самого недавнего времени стало известно науке относительно древнего прошлого этой части Мексики. Западная Мексика доевропейского периода – это также храмовые пирамиды разной формы и очертаний, руины дворцов, стадионов для ритуальной игры в мяч, эстакады, площади, торжественные парадные лестницы, проложенные по сторонам пирамид, и др.

Западная Мексика первоначально стала известна европейцам благодаря индейскому народу тарасков, который был сильнейшим противником ацтеков у их западных границ. Причём у европейцев, а именно испанцев, причиной такого первоначального знакомства с тарасками было отнюдь не любопытство или любознательность.

На самом деле, испанские завоеватели не могли удовлетвориться и ограничиться территорией государства ацтеков, они жаждали новых земель и наиболее крупными и, следовательно, заманчивыми с точки зрения возможной наживы оказались владения тарасков, известных также по этнониму *пурепеча* (тараск. *p'urépecha*).

До конкистадоров дошли слухи, что территория тарасков была якобы очень богата золотом и серебром. Именно поэтому вскоре после завоевания ацтекской столицы Теночтитлана, в 1522 г., они обратили свой взор на запад, в сторону Мичоакана, где жили тараски.

Тараски, центром территории которых был нынешний западномексиканский штат Мичоакан, а столицей г. Тцинтцунтан (Цинцунтан) в районе озера Патцкуаро, с древних времён сильно отличались от остальных народов Центральной Мексики языком, обычаями. На это обратили внимание ещё первые европейцы. Особенно это проявлялось в сравнении с их восточными соседями ацтеками. У тарасков была другая одежда. Их религия основывалась на почитании луны и огня. Округлая форма конструкции храмов сильно отличалась от культовых сооружений остальной Древней Мексики. Наконец, они в большем объёме использовали золото, серебро, медь и бронзу для изготовления различных по назначению изделий. В то же время остальные древние культуры, народы и цивилизации Месоамерики для этих целей применяли обсидиан или кремний, а драгоценные металлы только для создания украшений.¹ Свообразие и специфику тараски отчасти сохранили и до наших дней.

Изучение истории и культуры тарасков в самой Мексике до недавнего времени значительно отставало от исследований более знаменитых обществ ацтеков и майя. Кстати, известный археолог Э. Уильямс в одном из своих интервью отмечал, что в самой Мексике это объяснялось тем, что «официальная мексиканская археология» имела централизованный характер и главное внимание уделяла наиболее известным майя, ацтекам и другим цивилизациям Месоамерики.

Что касается отечественной науки, то не только тараски, но и Западная Мексика в целом до сих пор вообще не были предметом отдельного, специального исторического, а также археологического исследования. Между тем анализ культуры этого региона как одного из интереснейших явлений истории и культуры Древней Мексики представляет значительный интерес, поскольку позволяет пополнить научные представления о древнем прошлом человечества в этом регионе.

¹ Malmström V. H., 1995, p. 1.

В самом деле, новый и свежий археологический материал, который выявляется в последние годы в связи с доевропейским прошлым этого региона, и исследование как общего, так и специфического в историческом и социокультурном развитии населявших его народов предоставляют возможность по-новому взглянуть на доколониальную историю Мексики. Эти исследования показали, что Западная Мексика является не только важным, но и сложным в культурном отношении регионом. Западная Мексика – это восемь штатов, которые соответствуют почти 44 % территории, известной в науке как мексиканская часть Месоамерики. Она разделена на двадцать пять историко-культурных областей. Согласно письменным источникам в момент испанского завоевания её населяли народы, говорившие на 44 различных языках, из которых о 26 ныне ничего неизвестно, поскольку они уже исчезли.

О том, что Западная Мексика является интереснейшим объектом для изучения, могут свидетельствовать и другие примечательные цифры, касающиеся лишь части этой мексиканской территории. Так, только в археологической зоне Инфиернильо (район штатов Мичоакан и Герреро) находится множество археологических памятников, из которых исследована лишь малая часть, к тому же здесь постоянно открывают новые подобные объекты. В этом районе археологами обследовано около полутора сотен сооружений и трёхсот погребений, собраны многие тысячи керамических сосудов и их фрагментов и др. В другом примечательном районе Западной Мексики, Кахон де Пеньяс (Томатлан, штат Халиско), следы древних ирригационных систем прослеживаются на площади более пятидесяти тысяч гектаров, локализовано около ста семидесяти археологических объектов, а в сорока из них находится более семисот скал и камней с высеченными на них петроглифами. В лучшем случае, только половина из них по-настоящему исследованы, с учётом того что общее число как полных изображений, так и их фрагментов на камне достигает двенадцати тысяч. Вины

учёных здесь, пожалуй, нет, поскольку на документирование только одного петроглифа требуется до двенадцати часов, не считая решения проблемы доступа к ним. Как писала И. Келли, одна из первых исследователей археологических культур Западной Мексики, для того чтобы идентифицировать здесь только керамику в виде так называемых «керамических провинций», потребовалось изучить, сравнить и описать за несколько десятилетий от восьми до десяти тонн культурного грунта, содержащего керамические сосуды или, что чаще, их фрагменты.²

Масштабы того, что открыто и ещё предстоит открыть и изучить, огромны. Современной месоамериканистикой, изучающей древнюю культуру Западной Мексики, ставится большое число вопросов, формулируется такое же количество частных и общих задач. Каковы экологические, экономические и социальные факторы, в которых развивались общества и народы Западной Мексики? Какие древние культуры можно считать их историческими предшественниками? В чём специфика их культуры – духовной, материальной? Какова роль религиозной традиции? Наконец, что даёт науке изучение обществ и культур, подобных тем, что открывают археологи в Западной Мексике?

Монография является посильным вкладом в увековечение светлой памяти коллег-американистов, младшей коллегой и благодарной ученицей которых по сектору (отделу) народов Америки Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР (ныне Музей имени Петра Великого) посчастливилось быть: Дзенискевич Г. И., Дридзо А. Д., Кинжалов Р. В., Кнозоров Ю. В., Ляпунова Р. Г.

² Schöndube O.B., 1994 b, p. 58.

СПЕЦИАЛЬНАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

.....

1.1. Доколониальное общество тарасков в источниках и памятниках истории и культуры

После первого появления испанцев в 1519 г. на территории ацтекского государства, а также открытия ими других культур и народов этого региона, в том числе и тарасков, начала осуществляться их систематическая эксплуатация. В этом деле устремления испанской короны и конкистадоров несколько расходились: последние желали получения крупных земельных владений, первая, напротив, препятствовала формированию новой аристократии, опасаясь потерять контроль над заокеанскими землями.

В итоге фактически только Э. Кортес получил право на очень крупное земельное владение и определённую политическую власть, в то время как остальные европейцы стали хозяевами асьенд – поместий, в которых эксплуатация местного населения осуществлялась на основе так называемой энкомьенды (право пользования землёй и трудом живущих на ней индейцев). Энкомендерос, испанские колонизаторы, объявлялись «попечителями» подконтрольного им населения, а одной из целей такого попечительства объявлялась христианизация аборигенов.

По этой причине в том числе, одновременно с активностью светской и политической власти, миссионерскую деятельность осуществляла католическая церковь, проявлявшая в этом деле удивительную смесь неприкрытого религиозного фанатизма и жестокости с искренним интересом к прошлому индейцев. В её лоне боролись две тенденции – мирная христианизация и использование силы при внедрении Слова Божия.

В свете всего сказанного понятно, почему церковь и испанская колониальная администрация поощряли сбор информации о доиспанском прошлом аборигенного населения: знание

общественных традиций и языческих верований способствовало более эффективному управлению покорёнными землями, а также глубокому внедрению христианских воззрений.

Не составляли исключения в этом отношении и тараски. После их покорения испанцами (см. далее гл. 1) начался сбор такой информации, хотя её масштабы не сопоставимы с тем колоссальным объёмом данных, которые имеются относительно других центральноамериканских народов, таких как майя или ацтеки.

Несмотря на то что собранные данные не равнозначны по своей ценности, объёму, степени оригинальности, они составили основу всех последующих исследований по разрабатываемой нами тематике. Их использование в дальнейшем анализе предполагает учёт двух важных обстоятельств – особенностей исторической эпохи и личной позиции авторов.

Первые сведения о тарасках испанцы получили от ацтеков, однако до сих пор об этом народе и его доиспанской традиции известно гораздо меньше, чем о тех же ацтеках или майя.

После испанского завоевания более или менее обстоятельные сведения о тарасках, их истории и традиционной культуре стали собирать католические миссионеры. Особые заслуги здесь принадлежат франсисканцам, которые раньше других европейцев увидели и описали тарасканское общество, основали здесь и первые христианские приходы.

Между прочим документы церковного происхождения и данные, содержащиеся в них, например при определении границ территории расселения тарасков, являются важным источником. Дело в том что церковные источники отличаются скрупулёзностью и обстоятельностью. Не случайно поэтому их данные при определении административных делений и границ покорённых территорий и использовала так называемая Аудиенция 1534 г.³

Самым ранним, содержательным и, следовательно, наиболее важным из числа источников первого круга важности, вербальных документов, описывающих тарасканское доколониальное

³ Stanislavski D., 1947, p. 48; см. также примечание 1.

общество, является источник, известный под названием «Сообщение из Мичоакана» («Хроника Мичоакана»). Его полное название – «Сообщение о церемониях, ритуалах, населении и управлении индейцев провинции Мичоакан». Документ составлен около 1538–1541 гг. по приказанию А. Мендосы, первого вице-короля Новой Испании (так стали называть вновь покорённые земли). По месту хранения этот источник также называется «Кодекс Эскориал».⁴

«Сообщение из Мичоакана» – памятник устной индейской традиции, записанный европейским автором, хорошо изучившим язык, историю, обычаи и духовную (прежде всего религиозную) традицию тарасков. Исследователи полагают, что он был, по всей видимости, франсисканцем. Что касается его имени, то на этот счёт существует ряд предположений. Так, по мнению одних исследователей, им был Мартин Хесус (Мартин Хесус де ла Корунья), первый из миссионеров, появившихся в Мичоакане.⁵ Называли также брата Матурино Гилберти (Жилберти), единственного на то время знатока языка аборигенов (см. о нём ниже). Фигурировало и имя первого епископа Мичоакана Васко де Кирога, оставившего после себя редкий для той жестокой эпохи завоевания светлый след (см. о нём ниже), это кажется логичным, поскольку он стал епископом в 1538 г., что совпадает с датой появления памятника.⁶ Согласно более поздним предположениям «Сообщение из Мичоакана» составлено в указанный период (1539–1541) испанским историком и миссионером, братом Херóнимо де Акалá (1508–1545).⁷ Однако при

⁴ Relación de Michoacán (Relación de ceremonias y ritos y poblacion y gobierno de Michoacán). Madrid, 1956; Relación de Michoacán. Anónimo. ed. de Leoncio Cabrero Fernández. Madrid, 2002. В современном английском переводе – «Хроники Мичоакана» (The Chronicles of Michoacan. Univ. of Oklahoma Press, 1970).

⁵ Bravo Ugarte J., 1962, p. 50–51; Le Glézio J. M. G., 1984, p. 18; Pérez de los Reyes M. A., PDF/Adobe Acrobat, p. 71; González R. M., PDF/Adobe Acrobat, p. 13.

⁶ Le Glézio J. M. G., 1984, p. 18.

⁷ Anavalt P. R., 1998, p. 235; Roscamp H. // <http://www.ran.gob.mx/archivos/AYA//paginas/15-02 htm>; Roscamp H., 1998, p. 7, 27; Monzón Chr., 2005, p. 134–138; Cabrero F. L., 2002, p. 18; González R. M. Persona y universo entre los purépechas // PRF/Adobe Acrobat. Historicas, 85, p. 13–14.

этом допускается, что в придании рукописи её окончательного вида принимал участие М. Гилберти. Естественно, информация добывалась, в том числе, с помощью опроса потомков правящей элиты тарасков.⁸

Текст состоит из следующих частей: пролог (обращение составителя), первая часть (описание богов, религиозных праздников, причём эта часть утрачена, сохранилось только описание праздника Сикуинди́ро (тараск. *Sicuinđiro*), вторая часть (история тарасков), третья часть (описание форм организации и управления обществом в доиспанский период).⁹

Как указывалось выше, записанный памятник представляет собой устное повествование от первого лица. Как и всякий эпический текст, «Сообщение из Мичоакана» является анонимным по своей природе.¹⁰ Обычно во время важных религиозных церемоний и праздников жрецы излагали присутствующим адептам подходящую к этому случаю информацию.¹¹ Она могла отражать важнейшие этапы истории народа или сообщать смысл религиозного празднества и связанного с ним действия. Поэтому текст «Сообщения из Мичоакана» являлся вариантом Священной истории.¹² Хотя часть этого документа и исторического памятника утеряна (сохранились 143 страницы рукописи; возможно, рукопись сначала была написана на индейском языке)¹³, «Сообщение из Мичоакана», тем не менее, сохраняет значение первого в ряду письменных источников по истории и культуре тарасков.

К числу источников относятся так называемые «Географические донесения» («Географические описания», «*Relaciones geográficas*»), в которых описываются природные богатства регионов. Эти донесения составлялись в период между 1579 и 1580 гг. и направлялись в метрополию, королю Филиппу II.

⁸ Adkins J. Mesoamerican anomaly? The Pre-conquest tarascan state. ANTH 3311 // <http://faculty.smu.edu/rkemper/anth-3311-adkins->, p. 2.

⁹ Pérez de los Reyes M.A., PDF/Adobe Acrobat, p. 71.

¹⁰ Le Glézio J. M. G., 1984, p. 14.

¹¹ Там же, p. 17.

¹² Roscamp H. <http://www.ran.gob.mx/archivos/AYA//paginas/15-02.htm>

¹³ Roscamp H., 1998, p. 7.

Для Мичоакана важны сообщения, происходящие из районов Асучитлан, Акамбаро, Йурирапундаро, Туспа (Тушпан, штат Халиско), Тамасула, Капотлан, Патцкуаро, Куакоман (Коалман, штат Мичоакан), Амула, Амека и др.¹⁴ Это также информация, содержащаяся в источнике периода 1581–1585 гг., связанная с именем Рамиреса Ф.Х. и освещающая, в том числе, языческие представления тарасков района Мичоакан (Патцкуаро).¹⁵

Для анализа социальных отношений, характера собственности, системы правосудия представляют интерес так называемые «регламенты» (оценки, регламенты, нормы, исп. *tasaciones*), которые составляли в период 1542–1557 гг. с целью урегулирования возникающих проблем между аборигенным населением и раннеколониальными властями. Их сделали по поручению фискала (казначея) Королевской Аудиенции К. де Бенаvente в отношении 78 поселений.¹⁶

Среди источников по древней истории Месоамерики следует назвать, отметить и лингвистические данные. Прежде всего, это «Словарь языка Мичоакана» упоминавшегося несколько выше М. Гилберти¹⁷, «Искусство языка тарасков» Д. Басаленке¹⁸, Х. Б. де Лагунильяс и его «Искусство и словарь языка Мичоакана».¹⁹

Говоря об исторических источниках, далее следует отметить ещё одну группу документов, а именно так называемые кодексы. Они относятся, главным образом, к XVI, реже к началу XVII в.

Дело в том что задолго до прихода испанцев индейские народы Мексики создали свою систему фиксирования событий. У тарасков она не достигла той стадии совершенства, которая характерна, например, для письма древних майя (создавших иероглифическое письмо) или даже ацтеков, которые

¹⁴ Asuchitlán, Acámbaro, Yurirapúndaro, Tuspa (Tujpan, Jalisco), Tamazula, Capotlán, Pátzcuaro, Cuacomán (Coalcoman, Michoacán), Amula, Ameca (Pérez de los Reyes M. A., PDF/Adobe Acrobat, p. 72).

¹⁵ Ramírez F. S. J., 1959.

¹⁶ Pérez de los Reyes M. A., PDF/Adobe Acrobat, p. 72.

¹⁷ Gilberti M., 1962, 1975; González R. M., PDF/Adobe Acrobat, p. 85; Adkins J., p. 2.

¹⁸ Basalencque D., 1940, 1989; González R. M., PDF/Adobe Acrobat, p. 85.

¹⁹ Monzón C., 2002, p. 138.

использовали пиктографику (то есть смысловой рисунок, хотя для передачи топонимики и имён собственных прибегали к элементам иероглифики).

У тарасков это было чисто рисунчатое письмо, то есть система сбора, хранения и передачи информации с помощью рисунков. В свете всего означенного понятно, почему один из исследователей отмечал, что «читать» подобное письмо – это всё равно что смотреть немое кино: мы знаем предмет изображения, иногда имена людей, но каждый рассказывает проиллюстрированную историю собственными словами.

Иначе говоря, кодексы были своего рода путеводителями по тем событиям, которым они были посвящены. В раннеколониальный период некоторые из них (к сожалению, не все) были снабжены интерпретацией (объяснением) на европейских языках (чаще испанском или индейских языках на основе латиницы). Эти интерпретации очень важны для исследователей при «чтении» кодексов.

В качестве писчего материала использовалась оригинальная индейская бумага, выделанная кожа (чаще оленя), холст, лента (исп. *lienzo* – полотно, холст, лента).

Кодексы представляли собой или отдельные листы разного размера, или длинные ленты, складывающиеся чаще в виде ширмы или гармошки.

Пиктографические рукописи, содержание которых передавалось обычно разноцветными красками и по определённым канонам, представляют собой настоящие произведения искусства. Занимались их написанием специальные писцы-рисовальщики (например, ацтеки называли их *tlacuilo*).

Уровень развития этого искусства был столь высок, что ещё в доиспанский период сложились даже особые художественные школы пиктографики. Так, у ацтеков особенно славилась библиотека в г. Тескоко, где имелась своя традиция пиктографики.

Исследователи особенно выделяют иероглифические рукописи майя, пиктографические кодексы миштеков, сапотек, ацтеков.

В отличие от них сохранившаяся до наших дней пиктография тарасков отличается наивностью манеры изображений и несовершенством рисунка.

В кодексах записывались разные сведения – хронология (особенно знамениты в этом отношении ацтекские кодексы подобного рода), ритуал, генеалогия, кадастры (описи земельных владений), размеры землевладений, планы поселений и городов и т. п.

Страница из традиционного для ранеколониального периода индейского пиктографического документа «Генеалогия касиков Карапана»

Кодексы обычно классифицируют следующим образом: исторические, генеалогические, календарно-астрологические (прежде всего различные «книги дней», ацт. *tonalamatl*, которые использовали оракулы), мифологические, топографические, рукописи социально-экономического содержания (особенно важны здесь списки, фиксировавшие выплату дани).

В период, когда испанцы стали проводить активную христианизацию местного населения, началось массовое сожжение кодексов, как связанных с язычеством. Начало этому было положено в 1525 г., а своего пика практика уничтожения рукописей

достигла при Х. де Сумараге (1468–1548), франсисканце, первом епископе Мексики. Против этих актов вандализма выступили даже некоторые церковные деятели. Ещё жившие тогда индейские мудрецы, специалисты по составлению и толкованию кодексов, прятали их как могли. В итоге всех этих трагических для рукописей обстоятельств мы имеем в распоряжении лишь крохи индейских кодексов, переживших трагедию массивированного разрушения.

Тем не менее сама традиция составления кодексов оказалась столь глубокой и сильной, что пережила Конкисту, первый жестокий напор религиозного фанатизма, и до к. XVI – н. XVII в. практиковалась в раннеколониальной Мексике. К ней, в конце концов, оказались вынуждены прибегать и власти, реорганизуя административную и экономическую структуру новой территории, поскольку иные формы фиксирования данных и информации были сначала индейцам неизвестны. Иногда испанцам была необходима информация о прошлом, тогда по их указанию разрешалось составлять кодексы, которые были фактическими копиями доиспанских, так как составлялись знатоками своего дела. Неудивительно, что среди раннеколониальных документов были и пиктографические рукописи, написанные часто уже на европейской бумаге. Однако угасание традиции, конечно, было неизбежным, оно происходило постепенно через утрату строгих доиспанских канонов и европеизацию изображений. В результате уже к началу XVII в. она фактически исчезает в своём оригинальном виде. Как сообщал один из авторов этого периода, когда он хотел найти толкователей тех кодексов, которые сохранились, то среди многих индейцев, которых он опрашивал, нашлось только двое сведущих в этом деле.

Как бы то ни было, в настоящей работе используются данные, содержащиеся в кодексах, которые можно классифицировать как преимущественно исторические. В отличие от некоторых кодексов, например миштеков, которые были созданы в доиспанский период, все известные кодексы тарасков являются раннеколониальными по происхождению. В числе первых следует

назвать рисунки из приложения к «Сообщению из Мичоакана», главного источника по тараскам. Собрание этих рисунков представляет собой образец такого кодекса (иллюстрации в настоящей монографии заимствованы, в том числе, и из этого памятника). Упомянувшийся выше Херónimo де Акалá, как наиболее вероятный составитель этой хроники, включил в рукопись «Сообщения из Мичоакана» 44 индейских рисунка. С судьбой рисунков не всё ясно. Так, П. Киркхофф, один из известных исследователей Западной Мексики середины XX в., отмечал, что в версии «Сообщения из Мичоакана», оригинал которого хранится в знаменитом Эскориале (Испания), некоторые важные иллюстрации отсутствуют, равно как утрачены часть листов рукописи, касающихся религии тарасков. Кроме того, он отмечал, что листы (рисунки) в XIX в. были подвергнуты последующему исправлению.²⁰ Как бы то ни было, характер рисунков определённо указывает на влияние ацтекской пиктографики. Например, общими или, по крайней мере, похожими являются знаки, обозначающие слова «храм», «поселение», «дорога».²¹

Следующим в ряду кодексов, относящихся к истории и культуре древних тарасков, следует назвать «Лиенцо из Хукутакато» («Лента из Хукутакато», или Юкутакато; исп. *lienzo* – лента, полотно, холст).²² Он назван по месту, где во втор. полов. XVII в. его обнаружил франсисканец А. де ла Реа.

Известно, что кодекс когда-то принадлежал индейскому касику (то есть вождю) из Уруапана и был составлен ещё в XVI в. Он представляет собой кусок хлопковой ткани (размером ок. 2,63 × 2,03 м), разделённый чёрными линиями на 36 частей с определёнными изображениями в каждой из них. Кодекс посвящён традиционной для индейцев теме – исходу народа из некоей мифической прародины, длительному странствию

²⁰ Roscamp H., 1998, p. 35, 75.

²¹ Le Glézio J. M. G., 1984, p. 16.

²² Mendizábal M. O., 1926 (Roscamp H., 1998, p. 75). Анализ других пиктографических памятников тарасков, не имеющих принципиального значения для освящаемого нами доколониального периода, см., например, в работе: Bravo Ugarte J., 1962, p. 49–50.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru